

единая бы «средовой» подход к пониманию города с культурологическим видением художественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. – 220 с.
2. Ефимов В.С., Ермаков С.В., Пригожих В.А. Культурно-образовательное пространство города и становление человека: проблемы, проект, реализация / Образование и социальное развитие региона. Барнаул, 1999. № 3-4.
3. Иконников А. Художественное искусство в городском ландшафте. М.: Аванта+, 2000. 224 с.
4. Ильин В.Г. Город как концепт культуры. Дис... доктора социол. наук. Ростов н/Д, 2004.
5. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.
6. Коган Л.Н. Региональная социология. Текст / Л.Н. Коган. Мн., 1991. 103 с.
7. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. М.: Стройиздат, 1986. 264 с.
8. Любовный В.Я. Город и культурные аспекты его существования. М.: Наука, 2009. 325 с.
9. Орлова Э.А. Современная городская культура и человек. М., 1987.
10. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический Проект, 2000. 496 с.

УКД 101

Жукова М.Е.

Смоленский государственный университет

ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЭСТАФЕТА

M. Zhukova

Smolensk State University

LEGISLATION AS A SOCIAL RELAY RACE

Аннотация. Цель данной статьи – показать применимость философской теории социальных эстафет в процессе законотворческой практики как социокультурного явления. В современных подходах к исследованию законотворчества сложилось представление о нём как о процедуре официального прохождения законопроекта в высшем представительном органе. В данной связи предлагается рассмотреть альтернативную концепцию, позволяющую обогатить традиционную точку зрения на законотворчество и сделать возможным более широкое восприятие данного феномена.

Ключевые слова: законотворчество, куматоид, социальные эстафеты, подражание, новации.

Abstract. This article aims at revealing the possibility to use the philosophical theory of a social relay race in the context of legislative practice as a social and cultural phenomenon. In modern approaches to a law-making examination it is considered as a procedure of an official acceptance of a law project in the main representative body. In this aspect it is offered to examine the alternative concept, which helps to enrich the traditional point of view on legislation and make possible a wider comprehension of this phenomenon.

Key words: legislation, kumatoid, social relays, imitation, innovations.

Человеческое общество априори нуждается в социальных регуляторах, а потому оно породило, пожалуй, самый мощный и эффективный социальный инструмент – закон, то есть нормативный правовой акт высшей юридической силы, принимаемый по наиболее значимым вопросам общественной жизни.

© Жукова М.Е., 2011.

Появлению закона предшествует специальная процедура – предварительная деятельность по подготовке законодательного текста, которая характеризуется сложным поэтапным творческим процессом создания текста будущего закона.

Законотворческая деятельность, будучи урегулированной правом, характеризуется строгой последовательностью определённых действий по созданию закона и выражается в законотворческом процессе как юридической форме. Законотворческий процесс – это специальная юридическая процедура, отличающаяся своим особым статусом, продолжительностью и наличием нескольких стадий, как правило, четырёх: 1) законодательная инициатива; 2) рассмотрение (обсуждение) текста законопроекта в законодательном органе; 3) принятие законопроекта в качестве закона; 4) официальное опубликование закона.

В этой связи понятия «законотворческий процесс» и «законотворчество» не являются тождественными. Законотворческий процесс – это строго регламентированная деятельность, осуществляемая в соответствии с конституционно закреплёнными правилами. Что касается законотворчества, то оно рассматривается как более узкое понятие, имеющее познавательный характер и проявляемое на ранних стадиях законотворческого процесса.

Любой творческий процесс предполагает определённую деятельность, порождающую нечто качественно новое. Философский словарь под редакцией И.Т. Фролова определяет творчество как процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности. Творчество представляет собой возникшую в труде способность человека из доставляемого действительностью материала созидать (на основе познания закономерностей объективного мира) новую реальность, удовлетворяющую многообразным общественным потребностям. Виды творчества определяются характером созидательной деятельности (творчество изобретателя, организатора,

научное и художественное творчество и т. п.) [13, 474].

Таким образом, законотворчество необходимо рассматривать как особый вид творчества, как регламентированную деятельность.

Законодательные тексты создаются в соавторстве депутатов, юристов и специалистов различных областей знания представителями разных гендерных групп в возрасте от 21 до 65 лет в определённый временной период, что позволяет говорить о том, что законодательный текст как продукт законотворчества является результатом деятельности определённой модели соавторов, действующих в соответствии с определёнными правилами создания текста закона.

Законотворчество как деятельность соавторского коллектива по созданию будущего закона предполагает наличие определённых требований, которым должен подчиняться весь процесс создания закона. Однако законотворческая деятельность находится в постоянном процессе самовоспроизведения. Меняются авторы, тексты, с которыми они работают, правовые отношения и ситуации, происходят социокультурные трансформации, но в течение достаточно продолжительного периода сохраняются определённые инварианты, унифицирующие законотворческую соавторскую деятельность. Эти программы нигде не записаны. Но каким образом они существуют?

Модель законотворчества как система правил и образцов может быть содержательно интерпретирована в рамках теории социальных эстафет, разработанной М.А. Розовым [11]. Вслед за Г. Тардом М.А. Розов проводит аналогию между социальными институтами и волной, вводя понятие *социального куматоида* (от греч. *kita* – волна), понимая под ним «объекты, представляющие собой реализацию некоторой программы человеческого поведения на постоянно обновляющемся человеческом и предметном материале» [9, 40].

В основе воспроизведения социальных явлений (в основе социальной памяти) лежит способность индивида и социума действо-

вать по неким образцам, в этом – глубинный и фундаментальный механизм существования культуры, на который опираются все остальные социокультурные программы [8, 32-43]. Любой член социума в своей деятельности руководствуется некоторыми, уже известными ему заранее образцами или представлениями о том, как его деятельность должна выглядеть. Последовательное воспроизведение образцов образует социальную эстафету, которая, подобно волне, несёт социальную информацию от человека к человеку, от поколения к поколению. При этом «... действия каждого участника выступают в двух функциях: с одной стороны, они – образец для подражания, норматив, которому должны следовать остальные участники, но с другой – сами действия тоже нормированы и представляют собой продукт уже состоявшегося акта копирования, реализацию некоторой продукцией нормы» [10, 11].

Характерной особенностью социальных эстафет является их независимость от материала, на котором они образуются. В законотворчестве понятие *социального куматоида* проявляет себя в объединении авторов единой парадигмой, которая представлена в общепринятой практике создания текста закона. Меняются авторы, авторские функции и интенции, но закон остаётся законом. В этом контексте законотворчество действительно напоминает волну – свойства волны не зависят от той среды, в которой она распространяется.

Простейшую эстафету М.А. Розов описывает следующим образом: некто А осуществляет акцию □, которую Б рассматривает как образец и воспроизводит в виде □". А и Б – это актуальные участники эстафеты, они могут быть представлены как разными людьми, так и одним человеком, который воспроизводит свои собственные образцы.

Передача образца может происходить путём непосредственного подражания, воспроизведения действия или следованием описанию способа действия, и, таким образом, акт деятельности представляет собой связь «образец – реализация» и несёт собой опыт

деятельности (в том числе и поведения) от человека к человеку и от поколения к поколению [12, 296]. При этом «социальные эстафеты вовсе не исключают свободы человека, не исключают возможности творчества»; «человек является актуальным или потенциальным участником огромного множества эстафет. Он может выбирать ...» [1].

Основываясь на понимании базовых механизмов социальной памяти как некой социальной эстафеты, которая в упрощённой форме является цепочкой актов определённой деятельности, теория социальных эстафет представляется развитием деятельностного подхода в исследовании законотворчества.

Понятие волны, «социального куматоида», задаёт определённую онтологию понятия повторяемости, воспроизведения форм поведения и деятельности по непосредственным образцам. Некогда прачеловек взял в руки палку и выделил её из окружающей его среды особым образом, сделав этот предмет инструментом – посредником между собой и природой. Но если бы палку взял только один прачеловек, это вряд ли привело к известным нам эволюционным последствиям. Возможно, благодаря тому, что за его примером последовали остальные, подражая ему, его действиям, прачеловек сделал из себя человека. Таким образом, деятельность человека в мире опосредована не только орудиями, к числу которых психологическая традиция, вслед за Л.С. Выготским, относит и язык, но и образцами воспроизведения действия. Как отмечает в «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн, «невозможно, чтобы правилу следовал только один человек и всего лишь однажды. Не может быть, чтобы лишь однажды делалось сообщение, давалось или понималось задание и т. д. Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы – все это практики (применения, институты)» [2, 335]. В теории подражания Г. Тарда развитие общества, иерархия людей и существование каст, – всё это результат подражания, воспроизведение образцов, социальной традиции. Уже Ч. Дарвин

обращал внимание на роль подражания в развитии речи у детей [4]. Социальные эстафеты «обеспечивают закрепление и трансляцию первых трудовых навыков и технологий» [8]. Известно, что каждый отдельный индивид застаёт мир как историческое, уже организованное единство, объемлющее собой индивида, который вынужден приспособиваться к нему, репродуцируя в своём сознании и поведении известные образцы [5].

Согласно теории социальных эстафет, все наши действия, в том числе и когнитивные, выполняются по образцам, которые передаются от одних носителей к другим, обеспечивая межгенерационную связь. Причём у каждого образца есть свои образцы, у которых, в свою очередь, есть свои и т. д. Так, действия каждого участника законотворчества являются образцами для подражания, которым будут следовать другие участники законотворческой эстафеты, или, наоборот, отрицательными образцами, закрепляющими отрицательный, маргинальный опыт. Воспроизведение образцов, их межиндивидуальная и межгенерационная передача и образуют социальную эстафету.

Таким образом, законотворчество как особый вид творчества является сложным процессом, который не является автономным, замкнутым, независимым, но встроен в систему социальных эстафет, он возникает и транслируется в соответствии с определённым набором вербальных или невербальных дискурсивных правил и образцов.

Однако процесс воспроизведения образцов в законотворчестве и в законодательном дискурсе в целом – это не есть слепое подражание в силу того обстоятельства, что даже самый тривиальный и стандартный акт перформативности совершается в постоянно изменяющейся ситуации, в разном контексте, разными субъектами. Это строительство по имеющимся образцам новых текстов, влекущих новые последствия. *Старые концепции, старые теории живут в составе современной науки, но живут в новом контексте, а следовательно, приобретают новый смысл, новое содержание; итак, сохранить – значит*

видоизменить – так звучит общий закон социальных эстафет.

Борис Пастернак писал: «Новое возникает не в отмену старому, как обычно принято думать, но совершенно напротив, в восхищенном воспроизведении образца» [7]. «Мыслить – в примитивном состоянии (доорганическом) значит отстаивать известные формы, как у кристалла. Самое существенное в нашем мышлении – это включение нового материала в старые схемы (прокрустово ложе), уравнивание нового» [6]. Сегодняшнее понимание механизмов преемственности в культуре предполагает, что «... специфику традиции как социальной связи людей в процессе деятельности составляет обязательность истолкования субъектом транслируемых образцов применительно к изменившейся ситуации деятельности» [3]. Таким образом, копируя, воспроизводя образец определённой деятельности, каждый участник неосознанно и видоизменяет его частично; искажения этого образца в совокупности могут носить существенный характер. Воспроизводится не первоначальный образец деятельности, а непосредственно предшествующий, который может существенно отличаться от изначального. Автор-участник законотворческой эстафеты постоянно меняет её контекст, воспроизводя с изменениями образцы предыдущей деятельности. Такое понимание приводит к необходимости воспользоваться понятием «новация», или «инновационная деятельность».

Законотворчество – достаточно сложный процесс, состоящий из нескольких стадий порождения текста закона, а сам закон постоянно переживает множество разнообразных изменений. Однако, в отличие от науки, где новации могут иметь эвристический характер, где есть место фундаментальным открытиям, в законотворчестве основную массу новаций образуют изменения «правовой повседневности». Эти новации имеют не радикальный, а совершенствующий характер и осуществляются в рамках определённых программ, ничего в них не меняя по существу, но из таких повседневных изменений и

складывается весь законодательный дискурс в целом. Таким образом, возникают новые социальные программы в рамках уже существующего социального организма – законодательного дискурса.

В законодательстве уже заложена не только возможность, но и потребность в новациях. Любые новации неизбежны постольку, поскольку любая эстафета постоянно расширяет поле своих реализаций, даже в том случае, если терпит неудачи, так как неудача – это новая программа. Так, признанный утратившим силу закон порождает программу признания утратившими силу всех последующих законодательных текстов, вносящих в него изменения. Помимо этого, функционирование любых программ приводит к побочным результатам, которые влекут за собой реализацию новых программ. Например, реализация нового закона порождает новые результаты и побочные явления, которые также нуждаются в определённом правовом регулировании.

В то же время инновационная деятельность становится новацией тогда, когда приобретает определённую фиксацию, практику, некоторый «тираж», то есть когда опыт осуществления этой деятельности становится доступным другим. В этот момент происходит закрепление и рефлексия инновационного опыта, его культурное оформление, стереотипизация, что приводит к превращению новации в устоявшуюся социальную практику – прецедент, образец, традицию восприятия или использования. Понятие прецедента в процессе познания, как правило, наводит на представление о существовании некоего образца, с помощью которого осваивается неизвестное. Новация в своей начальной фазе, безусловно, противоположна тому, что в последующем будет признано в качестве социально закреплённой традиции. В этом смысле законодательская традиция представляет собой обширное поле социальных эстафет, охватывающее всё «унаследованное» законодательство и обеспечивающее законодательскую преемственность. На данном основании можно говорить о наличии

в механизме воспроизведения социальной эстафеты таких регуляторов, как традиция и новация. Теория механизмов, обеспечивающих постоянное развитие социума, позволяет исследовать законодательство как социальное явление.

Если понимать любую деятельность, в том числе законодательскую, как социальную эстафету, то здесь нет противостояния традиции и новации, а напротив, традиция включает в себя новацию как источник и необходимый компонент единого механизма преемственности, а следовательно, и развития законодательства.

Одна из причин сегодняшней недостаточной изученности законодательской деятельности как специфического вида творчества видится в том, что «главная трудность, на которую натолкнулось в своей эволюции социальное познание, – это принципиальная невозможность в русле существовавших традиций конструировать формы научного познания социальной реальности, учитывая присущий ей аспект сознания и свободы» [12]. Эта трудность может быть преодолена посредством понимания того, что базовые механизмы законодательства представляют собой цепочку актов деятельности законодателей, возникающую и существующую в рамках определённой социальной среды, в рамках эстафетного универсума.

Таким образом, опираясь на теорию социальных эстафет М.А. Розова, представляется возможным исследовать законодательство как особый вид творчества, основанный на эстафетном принципе трансляции знаний и законодательской практики воспроизведения образцов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беседа проф. А.Г. Егорова и М.А. Розова // На тёмной стороне... Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 335-336.
3. Власова В.Б., Данилина Е.А. Стабилизирующая и инновационная функции традиции как формы преемственности культуры // EVA-2008: Ма-

- териалы XI Ежегодной межд. конф. URL: http://conf.cpic.ru/eva2008/rus/reports/report_1407.html. (дата обращения 01.04.2010).
4. Дарвин Ч. Биографический очерк одного ребенка // Собр. соч. Т. 5. М., 1953. С. 937-938.
 5. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон, 2008. 544 с.
 6. Ницше Ф. Воля к власти. ПСС М., 1910. С. 231.
 7. Пастернак Б. Охранная грамота // Пастернак Б. Воздушные пути. М., 1982. С. 256-257.
 8. Розов М.А. К методологии анализа рефлектирующих систем // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования: Сб. ст. / Отв. ред. И.С. Ладенко. Новосибирск: Наука, 1987. С. 32-43.
 9. Розов М.А. Наука как социальный куматоид // Розов М.А. Феномен социальных эстафет: Сб. статей. Смоленск: СГПУ, 2003. С. 40.
 10. Розов М.А. Понятие исследовательской программы // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск, 1987. С. 11.
 11. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 352 с.
 12. Розова С.С. Теория социальных эстафет в эпистемологических и философско-научных исследованиях // На теневой стороне... – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 296-297.
 13. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. 590 с.
-